

ДИНА РУБИНА

I

1974-1984

ДИНА РУБИНА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
I-XXI

2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Художественное оформление серии
Юлии Стоцкой

Рубина, Дина.

Р82 Собрание сочинений. I—XXI. Том I. 1974—1984 / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-109017-3

Перед вами — первое полное собрание сочинений известного писателя Дины Рубиной. Для него Дина Ильинична заново перечитала и отредактировала уже хорошо знакомые читателям произведения. В первый том вошла проза, написанная Рубиной с 1974 по 1984 год.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109017-3

© Д. Рубина, 2021
© Стоцкая Ю., оформление переплета, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Бликие глаза и дальние планы...

Предисловие

Когда Издатель решает опубликовать все тексты Автора...

Когда из разных творческих записок, из давних сборников, из полузабытых канцелярских папок сорокалетней давности извлекается и перетряхивается буквально все, что данное писательское лицо насочинило за свою профессиональную жизнь...

Когда в атмосфере возникает торжественное словосочетание «собрание сочинений»... — это означает либо посмертные торжества, либо итог длинного творческого пути. В любом случае, подобные фанфары деликатно намекают на завершение некоего процесса.

Это и было моей первой мыслью, когда я получила предложение от своего издательства: импульсивное желание прикрыть этот чертов мемориал, тем более что я только засела за очередную книгу, а впереди у меня, как обычно: планов громадье.

Однако вторая, а вернее, двадцать вторая мысль на эту тему заставила меня взять паузу и посмотреть на дело иначе.

Всю жизнь я обитаю рядом с художниками, и знаю, насколько для них важны масштабные выставки по итогам какого-то большого отрезка творческого пути. Любой художник подтвердит, насколько полезно и даже необходимо увидеть все свои работы, развернутые разом в обширную экспозицию; как много это дает осознанию своей работы, своего места в современном искусстве, своей позиции среди мастеров цеха.

6 И ведь, на самом деле: и рискованно, и заманчиво, и наверняка поучительно увидеть себя в длиннейшем ряду зеркал, в которых отразится твоя личность лет с семнадцати до... собственно, до сегодняшнего дня. А дальше — посмотрим.

Так или иначе, составлять тома этого собрания сочинений мне следовало по принципу хронологическому. И значит, первый том неминуемо предстояло заполнить полудетской шелухой, писаниной, ныне для меня смехотворной. Той самой, давно сброшенной в памяти шкуркой полузабытого подростка, что дня не прожил бы, не описав свои чувства и мысли за истекшие сутки, ибо строчила я тогда, практически не останавливаясь.

Волей-неволей я взялась перечитывать свои наивные подростковые опусы.

* * *

Любой мало-мальски чувствующий человек подтвердит вам, что нет ничего печальнее счастливого детства. Разве что отрочество, когда душу твою уже *требуют к священной жертве*, но никто ее не принимает в расчет: ни родители, ни учителя. И тогда пленный дух начинает, как говорила моя бабушка, «выкидывать фортеля», ибо пленный этот дух знает настоящую цену истинным вещам — дружбе, любви, самоотверженности. Цена эта высока...

Однажды мне довелось побывать в Кембридже. Меня, как приглашенного лектора, поселили в гостинице знаменитого Королевского колледжа, основанного Генрихом VI аж в 15-м веке. Кто-то из местных организаторов, рассказывая об этом уникальном здании, попутно обронил, что женщин в Королевский колледж стали принимать только с семидесятых годов двадцатого века.

— Как?! — воскликнула я поражено. — И это не в Пакистане, не в Иране, не в Саудовской Аравии?! Это в просвещенной Англии?!

На что мне ответили с невозмутимой улыбкой:

— Ну, у нас и порку учеников в школе отменили совсем недавно.

Нас в советской школе не пороли. Пороли нас родители. Впрочем, тоже — не все. Меня выпороли только однажды, и даже не ремнем, а кухонным полотенцем, скрученным для веса жгутом (так что я сомневаюсь — можно ли эту облегченную экзекуцию назвать настоящей поркой), — когда выяснилось, что в течение полугода я поддельывала в своем унылом дневнике мамину подпись. Кстати, я и сейчас неплохо поддельываю подписи, но ума не приложу — на что сегодня может сгодиться этот талант.

Что касается другого таланта — моего всепоглощающего стремления постоянно заполнять буквами и словами чистые тетрадки, предназначенные для математики и других благородных наук, — то родители считали это сущим наказанием, и мама, Заслуженный учитель республики, преподаватель истории, в сердцах выкидывала испорченные тетрадки в мусорное ведро. Продолжалось это до того момента, когда однажды я послала наугад в популярный московский журнал то, что под руку подвернулось — один из своих коротких рассказов. И его опубликовали.

Судьба обернула ко мне другую, изумленную сторону своего лика. Не потому, что меня зауважали сверстники и перестали отчитывать за плохие отметки родители, а потому, что тайное писательство вдруг превратилось в явное. Ошеломленные мать с отцом даже купили мне «для работы!» маленький стол, в то время никому не нужный: я ведь и рассказы писала, и уроки готовила лежа на животе, на своем кургузом топчане, воспетом в ранней повести «Когда же пойдет снег?».

Стоит ли говорить, что персонажами моих подростковых творений становились все, кто попадал в обзор: учителя, одноклассники, дворовые друзья, а также соседи под своими именами, мамы сослуживцы, знакомые собаки и кошки... и прочая живность на окрестных улицах.

Развивающееся дарование ведет себя точно так же, как растущий организм — жрет все подряд, не зная, куда деть неумную энергию, и сеет вокруг хаос, и пожинает возмущение ближних.

Но что делать, если эту белиберду печатает московский журнал?!

8 Знакомые и коллеги говорили маме: «Не могли бы вы как-то... э-э...контролировать то, что ваша дочь посылает в Москву? Нельзя ли в следующий раз... э-э-э... вычеркнуть то, что она пишет о Владимире Львовиче, все же он — завуч?»

Но к тому времени я уже превратилась в неприкасаемую фигуру: под обложкой популярного всесоюзного журнала сияла моя задорная шестнадцатилетняя физиономия, и чеканно выстроились буквы моего — не простого, а уже литературного — имени.

Вот когда меня стоило бы выпороть. Но было поздно. Великая сила печатного слова, сопровождаемого фотографией юного автора, вершила свою работу.

Я никогда не включаю в сборники те первые свои рассказы, опубликованные в журнале «Юность» полвека назад. Даже не потому, что они не представляют литературной ценности. Просто этот торжествующий щенячий виз надо оставить там, на страницах моей подростковой самоуверенности и упоенности победой.

И лишь когда меня настигла первая неудача — несчастная, как и положено ей, юношеская любовь; когда в моих текстах появились насмешка по отношению к себе и необходимая дистанция между авторским «я» и окружающим миром, — лишь тогда мои рассказы и повести заслужили, на мой взгляд, читательское внимание...

* * *

Очень трудно писать о взрослеющей, беззащитной и в то же время жестокой человеческой душе. Я часто вспоминаю свои подростковые годы — ужасные, мучительные, — когда не имеет особого значения, благополучна ли твоя семья, любят ли тебя родители. Просто на тебя наваливается мир, и ты должен выстоять в одиночку. А мир — это ведь не только люди, это и бегущие облака, что летят в никуда прямо через твое сердце, и оперенные весной деревья, названий которых ты еще не знаешь, и впервые увиденный водопад, и смерть бабушки или деда, и расставание близ-

ких, и жестокая дворовая драка... Это явление густого потока жизни, который взрослые, любимые и оберегающие тебя люди, уже не в силах отфильтровать, очистить так, чтоб остались только красота, любовь, смелость и справедливость. Это первые уроки противостояния личности — обществу.

Рассказы «Этот чудной Алтухов», «По субботам», «Дом за зеленой калиткой»... написаны мною в таком незапамятном далеке, что страшно вспоминать — в возрасте семнадцати лет. Вот уж в эти страницы я не заглядывала лет сорок. Сейчас эти рассказы кажутся наивными, неловкими и простоватыми... И все же в них присутствует какая-то честность чувств, невозможность слукавить, бесконечное отчаяние перед громадой жизни, встающей перед юным сердцем, и безоглядная сила бесстрашной, еще робкой любви, перед которой смиряются опыт, глубокомыслие и рассудительность.

* * *

Подлинная жизнь писателя всегда коренится в дебрях его воображения, а разворачивается в полную мощь за рабочим столом. Потому-то я всегда недоумеваю, когда меня приглашают на встречу с читателями, мотивируя это желанием публики «узнать писателя с человеческой стороны», «познакомиться поближе», и так далее. Невозможно узнать писателя ближе, чем со страниц его книг.

Творчество любого писателя это — величина его личности, помноженная на величину дарования и возведенная в квадрат его биографии. Потому что нет лучших дрожжей для творчества, чем собственная жизнь писателя, его мысли, чувства, ближайшее окружение.

И нет такого писателя, чью биографию и «прейскурант чувств и драм» нельзя было бы вычислить по его произведениям. Одни, как, например, Сергей Довлатов, так и пишут от первого лица, сохраняя даже имена и фамилии прототипов; другие, во имя приличий или из опасения судебных преследований изменяют имена и внешние приметы персонажей, но суть остается: подлинная жизнь писателя

10 едва ли не вся без остатка переходит на страницы его книг. Все мы — люди без прошлого: оно выписано, отработано, пережито с новой испепеляющей силой в процессе создания литературных текстов настолько, что, запечатленное в словах, перестает волновать нас в жизни. Все пережитое идет в эту неистовую топку, все переплавляется в литературную ткань.

Что касается наших близких... О, это отдельная тема. Вот кому требуется особая выдержка, особое смирение, глубинное понимание процессов, проходящих в воображении и душе писателя. Мой муж, первым выслушивая мои тексты, уже давно не задает сакраментальный вопрос: «А когда я это говорил?» Он уже знает, что все его реплики и вопросы, все утверждения и произносимые в рассказах и повестях мысли, подлинны и значимы, даже если и не были произнесены. К тому же, никогда не знаешь — как отнесутся твои близкие к описанным событиям. Я одновременно подарила маме и послала сестре книгу с новеллой «Альт перелетный», повествующей о драматическом периоде в жизни моей семьи. Одно из главных действующих лиц там — моя сестра Вера. Прочитав новеллу, она позвонила нашей общей маме и заявила: «Врет! Беззастенчиво врет! Ни одного слова правды»

А мама сказала мне: «Я читала всю ночь. Я так плакала! Все — чистая правда...»

...Жизнь проходит, это нормально. Проходит жизнь любого человека, добавляя печаль в наши лица; писатель всегда остается с прибылью: обычный человек с годами теряет своих близких, любимых домашних животных, бывает, что остается совсем один... Писатель, запечатлевший свою жизнь на самых точных и самых пронзительных «носителях», никогда не остается в одиночестве — все его любимые с ним.

Недавно одна моя знакомая, сильно горевавшая после смерти отца, отправилась к некоей ясновидящей, вернее, яснослышащей женщине, которая уверяла, что может вызывать на разговор души умерших, может слышать их голоса. С этой встречи моя знакомая (женщина очень впе-

чатлительная, даже экзальтированная) вернулась просветленной: отец, уверяла она, вышел на связь, успокоил ее, что там ему хорошо...

«Да-да! — воскликнула она, вероятно, уловив некий скепсис на моем лице. — Знаешь, почему я поняла, что это правда? Он передал мне, что там с ним все его собаки!»

Отец моей знакомой был страстным собачником...

Я уважительно покивала, подумав: а мне и умирать не нужно. Мой Кондрат и без того всегда со мной, в моей новелле «Я и ты под персиковыми облаками»...

С годами я все чаще обращаюсь к семье — наверное, это объяснимо: с возрастом по-иному вспоминаешь бабушку, деда, которые уже не кажутся такими старыми, а наоборот, приближаются и произносят все те знакомые словечки, поговорки, песенки, которые в детстве казались тебе замшелыми и допотопными, а сейчас высвечиваются особым домашним теплом, теплом семьи, рода, цепочки поколений, в которой сегодня ты ощущаешь себя не центром вселенной, не конечным и самым важным итогом и драгоценностью семьи, а всего лишь звеном в бесконечной цепи родственных личностей, характеров, качеств и внешностей. И совсем не горюешь по этому поводу, а, наоборот, радуешься, когда в зеркале видишь лицо своей усталой мамы или ловишь себя на какой-нибудь фразе, обращенной к дочери и произнесенной с интонацией твоей давно умершей бабки. И в работе все чаще обращаешься к так называемой «семейной теме» — ибо, что может быть глубже, парадоксальнее и пронзительней чувства семьи и дома.

Завершив очередную книгу, ты чувствуешь, что поднялась еще на одну ступень умозрительной лестницы — независимо от того, насколько удачной или не очень получилась новая книга. Ибо само это продленное усилие беспросветной многомесячной работы поднимает тебя в твоей профессии еще на чуть-чуть; и лестница эта ведет вверх, в твою личную высоту, и с каждой новой ступени видно чуть дальше и чуть яснее. К сожалению, с каждой новой ступенью ты также понимаешь, насколько еще далеки от тебя горные пики Великой литературы.

12   Выписывая биографию очередного героя в следующем романе или даже в романе-трилогии, ты всякий раз заново попадаешь в ловушку: проникаешься чувством родства с никогда не существовавшим, но для тебя совершенно живым человеком. Ты вновь обнаруживаешь себя посреди огромной толпы созданных тобой персонажей. Вот они и есть — самое дорогое твоему авторскому сердцу *собрание*. То самое *собрание твоих сочинений*.

Это множество книг, целый город с весьма плотным населением на каждый квадратный метр работы, памяти и души. Хотелось бы еще его пополнить тем и этим, какими-то симпатичными людьми, какими-то случайными, но прекрасными встречами; любовными и прощальными сценами, рождением новых детей... Хотелось бы описать еще какие-то близкие глаза и дальние планы, и облака над горами и лесом, и церковную колокольню над морщинистой шкуркой альпийского озера. Хотелось бы еще насладиться мгновенной улыбкой, отличной шуткой, бокалом хорошего вина и чашечкой крепкого кофе...

Словом, не упустить, а добавить, описать все то, что позже и составит, собственно, *собрание* твоей единственной жизни.

Дина Рубина

РАССКАЗЫ

По субботам

Под утро к ней приходили два сна. Один длинный, обыденный и скучный, у него много лиц, и все они кого-то напоминают. Этот сон наполнен раздраженными голосами и бесцельными действиями. Он ничем не отличается от будней, поэтому тяжел, скучен и сер...

Она просыпается и смотрит в окно. В доме напротив горят три квадрата — значит, уже часов шесть. Она долго лежит с открытыми глазами и думает. Потом небо светлеет, и плечам становится прохладно. И вот тогда возникает сон Второй.

Сначала он прыгает на форточку и долго сидит там, потом мягко и бесшумно спускается на подоконник. Она знает, что сон здесь, но на него нельзя смотреть — улетит. Наконец он усаживается где-то у ее плеча и начинает легонько дуть ей на мочку уха. Это ужасно приятно... Все предметы вокруг становятся зыбкими и погружаются в мягкий седоватый свет, который постепенно вкрадывается в ночную комнату. Теплая легкая дремота наплывает на нее, обнимает, качает на своих коленях, и она боится пошевелить головой, чтобы не отдалить лапку Второму сну...

Он здесь. Он легкими прикосновениями гладит ее лоб, щеки, плечи, рассыпает на темном небе закрытых глаз разноцветные калейдоскопические звезды и